

В конторе был сплошной ад. Вдобавок немцы решили задушить дымовыми шашками десантников. От дыма разрывало легкие. Кажется, кашляли развалины. От дымовых шашек наступало сонное состояние.

— Не спать! — кричал Константин. — Не спать. К окнам!

Перевязывать раны было некогда. Володе Чумаченко пуля попала в живот. Он потерял сознание, но очнувшись, подполз к подоконнику, лег на него, прижав рану, и стрелял, стрелял. Так и умер. Степан Голенев, раненный в грудь, руку и живот, подполз к проему и бросал гранаты в атакующих. Умер на руках друзей во время небольшой передышки. Артемов, трижды раненный, умер у амбразур. Алексея Куприянова завалило обрушившейся стеной. Моряки откопали его. Он не мог стоять и лежа набивал рожки автоматов. Георгий Дермановский остался один среди развалин, которые утром еще были сараем. Когда враг пошел в атаку, Георгий ножом убил офицера, но и его перерезали пополам автоматной очередью. У Валентина Ходыревского оторвало кисть левой руки. Когда танки подошли вплотную к конторе, он взял в другую руку гранаты, крикнул: «Прощайте, братцы!» и лег под танк. Вторая машина уползла.

Второй этаж конторы был снесен полностью. Дома уже не было, груда камней, возвышающихся по углам. И за каждой грудой — моряки.

Рация разбита вдребезги. Ольшанский посылает в штаб полка Юрия Лисицина. Тот под покровом дыма сумел проскользнуть через кольцо. Тяжелораненных относили в подвал. День угасал. Они в бою около семи часов. Ольшанский, как мог, поддерживал ребят, но и он, всегда бодрый и сильный, еле стоял на ногах.

Наступила ночь. Но немцы кольцо не сняли, постреливали из пушек. Наутро все началось снова. Почему же не наступают войска? Что случилось? Почему бросили? Разве не слышат бой? Дошел ли Лисицын?

Второй день был страшнее первого. То хоть воевали в доме, теперь среди развалин. Немного выручал подвал. Опускались отогреться. Раненые просили пить, стонали и умирали.

Погибали и в развалинах. Константин Ольшанский был ранен, но командовал, подбадривал. Сраженный еще од-

ной пулей, затаих на кровавых камнях. Последним, кто его видел живым и разговаривал, был Щербаков. Но о чем они говорили, увы, не узнает уже никто.

Наступление 28-й армии началось 28 марта. Десант значительно облегчил штурм. Только убитыми немцы оставили семьсот с лишним человек. Раненых, по теории, было тысячи две с лишним. Но, увы, все, кто были в конторе, погибли. Разъяренные враги пожгли трупы огнеметами.

А навстречу бойцам поднялись одиннадцать десантников, отравленные, раненные, обгоревшие, грязные и страшные. Их подняли на руки и понесли в город. Уцелели в основном те, кто был в бетонированном сарае, недалеко от конторы, и раненые в подвале. Рассказывают, что Сталин на вопрос, кого награждать званием Героя, ответил: «Сколько в десанте было человек? Шестьдесят восемь? Все и пусть будут Героями Советского Союза».

В истории Великой Отечественной войны это был редкий случай, когда все участники операции получили звание Героя Советского Союза.

...Ольшанский погиб, а письмо, посланное перед десантом, еще шло к его жене. Катя получила весть, и для нее Костя был в этот момент жив и здоров. «Теперь мы готовимся к новым боям, поручили подобрать ребят для одной операции. Ну, это не так уж и трудно. Они у нас все орлы. Это настоящие чудо-богатыри. Счастлив, что живу и воюю с теми, кто не считался ни с чем, кровью отстаивает родное дело. Верю в скорую победу. Беспокоюсь за Валерика. Займись, пожалуйста, его поисками. Верь, победа близка и близка наша встреча».

Но увы. Встреча оказалась печальной. Катя приехала в Николаев на братскую могилу моряков. Орлы — писал о них Константин. Он и сам был орел.

«Здесь настоящая, дружная, братская боевая и хорошая семья. Ребята молодые и хорошие. Мои мужики — не люди, а настоящие черные дьяволы...»

...Они с Катей почти не расставались, и вот наступил этот час. Каждые три дня они писали друг другу письма. Ее к нему не сохранились, его к ней почти все целы.